УДК 808.53

В.Е. Ершова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНЫХ ТЕКСТОВ ТОК-ШОУ

Анализируются стилистические особенности конфликтных текстов масс-медиа. Рассматриваются признаки публичной речи в ток-шоу, в частности следующие ее свойства: речевые показатели степени официальности / неофициальности отношений между участниками коммуникации, явление «интимизации» повествования, эмоциональность, оценочность, экспрессивность конфликтной речи. Выявление показателей конфликтных текстов масс-медиа осуществлено на материале российских телевизионных ток-шоу.

Ключевые слова: ток-шоу; стилистические особенности; конфликт; публичная речь.

Ток-шоу – стилистически неоднородный тип журналистского произведения. Речь участников ток-шоу характеризуется неподготовленностью, спонтанностью, непринужденностью и т.д., что свойственно разговорной речи. С другой стороны, речь ведущего подготовлена, тема разговора определена, она, как правило, затрагивает общественный интерес, участники шоу имеют представление о том, что они будут говорить относительно заявленной проблемы, и т.д. Эти признаки характерны для устной публичной речи, строящейся по системе кодифицированного литературного языка [1. С. 58]. О.А. Лаптева относит приведенные признаки к устно-разговорной разновидности литературного языка: исследователь пишет, что речь публичных выступлений со всей областью устно-разговорной разновидности роднит «наличие общих специфических средств, хотя и наиболее редко употребляемых и наиболее охотно заменяемых общелитературными синонимами благодаря действию ситуационно-тематического фактора» [2. С. 42]. По мнению О.А. Лаптевой, публичная речь лежит на пересечении характеристик повседневно-бытовой и письменно-литературной речи. Преобладание разговорных элементов или признаков публичной речи обусловлено как характером самой телепередачи, так и тем, кто участвует в беседе.

Один из признаков публичной речи – официальные отношения между участниками коммуникации. Следует заметить, что этот признак не всегда свойствен текстам ток-шоу. Это связано с тем, что стилистические градации речи, как пишет О.А. Лаптева, в зависимости от (не)официальности обстановки возникают лишь при условии свободного владения говорящим средствами разных стилистических планов. Если же говорящий не владеет подобными навыками, то возможно, что его речевое поведение в официальной обстановке не будет ничем отличаться от такого поведения в неофициальной [Там же. С. 55]. Это иллюстрирует, например, фрагмент программы «Пусть говорят», выпуск от 04.08.2011.

Я. Безверхая: Он было ударил ее, короче // Они шли / он ее просто ударил / нечаянно или как-то // Ну, специально // И вызвал скорую // Она ударилась животом // <…>

Т. Швыркина: Ты сама не знаешь ни грамма о моей жизни в этот момент // <…>

В этом фрагменте коммуниканты, спорящие о том, что произошло с главной героиней, не обладают навыками публичного выступления. Речь первой участницы диалога сбивчива, непоследовательна, некоторые факты противоречивы («*он ее просто ударил, нечаянно или как-то. Ну, специально*»). В высказываниях обеих участниц допущен ряд грамматических неточностей, связанных с нарушением норм синтаксической связи между словами и словосочетаниями («*Они шли, он ее просто ударил, нечаянно или как-то. Ну, специально*», «*Ты сама не знаешь ни грамма о моей жизни в этот момент*»). Также в речи коммуникантов часто встречаются элементы разговорно-просторечной лексики («*короче*», «*не знаешь ни грамма*» и т.п.). Вероятно, навыки речевого общения этих участниц развиты не полноценно. В связи с этим можно предположить, что их речевое поведение в официальной обстановке, что предполагает ситуация общения в ток-шоу, не отличается от такого поведения в неофициальной.

Далее представлен фрагмент программы «Гражданин Гордон», демонстрирующий иную ситуацию (выпуск от 25.03.2012).

А. Гордон: <…> Представим на секундочку / что я счастливый человек и у меня еще есть дедушка / и он жив // И дедушка так давно живет и так давно является главой семьи / что он мне надоел / зараза // И я провожу в своей семье демократические выборы / назначаю бабушку дедушкой / или приглашаю дедушку со стороны / варяга //

Б. Надеждин: Сейчас я объясню разницу между вашим дедушкой и Путиным // Хотите? Разница заключается…

А. Гордон: Тогда уже / тогда уже объясните мне разницу между моим дедушкой / Путиным / де Голлем / де Голлем / да / и некоторыми / ну условно так / американскими президентами / для которых даже меняли Конституцию Соединенных Штатов //

Б. Надеждин: Вот гады / а!

В этом фрагменте речь участников коммуникации не в полной мере соответствует признакам официального общения. Например, коммуниканты используют разговорную и разговорно-просторечную лексику («зараза», «гады» и т.д.), различные риторические приемы для усиления экспрессивного эффекта (моделирование ситуации, применение стилистических тропов и фигур). Однако эти средства, направленные на создание выразительности, скорее всего, продуманы и, вероятно, уместны в данной ситуации. Учитывая контекст диалога, можно заключить, что ораторы обладают навыками публичного выступления.

Другая особенность текста ток-шоу – интимизация повествования [3. С. 381]. Ее суть заключается в том, что коммуникатор с помощью определенных речевых средств имитирует диалог с массовым адресатом. Интимизация связана с эмоциональным воздействием на зрителей. Особенно такое речевое поведение характер-

но для ведущего, цель которого – привлечение и удержание зрительского внимания. Далее приведен фрагмент речи, на примере которого возможно рассмотреть явление интимизации.

«Гордон Кихот», выпуск от 12.02.2010.

А. Гордон: Есть вещи / которые я точно знаю / твердо знаю // Есть вещи / которые / мне кажется / что я знаю // Есть вещи / которые я понимаю / а есть такие / которые ну никак я понять не могу // И сегодня мы собрались в этой студии для того / чтобы объяснить мне / вашему покорному слуге / с помощью экспертов / которые здесь собраны / да / вот именно то / что я не могу понять уже много десятков лет // А о чем речь / очень скоро узнаете в самой / наверное / субъективной программе на отечественном телевидении «Гордон Кихот» // [Аплодисменты]

Лет / наверное / двадцать назад / когда я узнал / в чем заключается история мировой валюты / этой вот маленькой / когда-то зеленой / а теперь цветной бумажки / доллара / я тогда уже пришел в недоумение / потому что мне показалось тогда и кажется до сих пор / что ни логикой / ни здравым смыслом сегодняшнее положение этой валюты в мире объяснить нельзя // Вот сегодня мы попробуем с вами ответить на три вопроса / на мой взгляд // Является ли положение доллара сегодня в мире пирамидой // Второй вопрос на который мы с вами ответим / на чем доллар держится в мире сегодня // И третий / что будет с миром / если завтра доллара не станет // Прежде чем мы начнем отвечать на эти очень важные для всех вопросы // Для всех почему? Потому что шестьдесят процентов россиян / более шестидесяти процентов россиян / по мнению ВЦИОМ / так или иначе ежедневно следят за курсом доллара // Из них двадцать четыре процента опрошенных считают / что доллар рухнет в ближайшее время // Двадцать четыре процента / немало // Двенадцать верят в то / что будет дорожать // Двадцать три считают / что останется на том же уровне // Остальные / видимо / не определились в своем отношении и держат деньги в другой валюте // Итак / доллар – это хорошо или плохо? Давайте посмотрим первый сюжет //

В представленном монологе часто встречаются синтаксически сложные предложения, пространные неединичные высказывания, прослеживается последовательное развертывание темы. Автор пытается установить контакт как с присутствующими в студии, так и со всей массовой аудиторией с помощью некоторых средств. Автор обращается к зрителям и участникам передачи (*«Давайте посмотрим первый сюжет»*), использует личные местоимения «мы», «вы», их различные формы, часто прибегает к конструкции «мы с вами». Так, коммуникатор стремится приблизить свой опыт к опыту большинства, идентифицировать себя как часть этого большинства. Кроме того, для воздействия на адресата, для привлечения его внимания, получения его расположения автор демонстрирует личный опыт («*Лет, наверное, двадцать назад, когда я узнал, в чем заключается история мировой валюты <...>»*). Таким образом, возможно, говорящий хочет донести мысль о том, что данная ситуация касается практически каждого, поэтому затронутая им тема важна. Также для привлечения зрительского внимания автор монолога использует экспрессивные средства воздействия: градацию («*Есть вещи, которые я точно знаю, твердо знаю. Есть вещи, которые, мне кажется, что я знаю. Есть вещи, которые я понимаю, а есть такие, которые ну никак я понять не могу»*), книжную лексику («*Вашему покорному слуге»*), экспрессию на уровне словообразования («*бума**ж**ки»*), антитезу («*<…> история мировой валюты, этой вот маленькой, когда-то зеленой, а теперь цветной бумажки, доллара <...>»*: сопоставление контрастных понятий «мировая валюта» и «маленькая бумажка») и т.д. С помощью перечисленных выше средств (и некоторых не упомянутых в этом кратком анализе) создается впечатление интимности, камерности общения, что является признаком интимизации.

В диалогической форме общения, однако, эта черта проявляется не так явно, как в монологической. Кроме того, в ситуации конфликта эта особенность обычно утрачивается.

Третья черта медиатекста ток-шоу – его эмоциональность, экспрессивность. Эта особенность обусловлена, во-первых, присутствием элементов устно-разговорной речи, во-вторых, конфликтной природой жанра. Также телеречь нередко насыщена разного рода оценками, часто субъективными и эмоциональными. С помощью такого рода средств говорящий стремится сделать свою речь убедительной, выразительной, образной, живой. Речевая экспрессия является одним из основных принципов употребления слова в устной речи, «действующим наряду с другими ведущими принципами <…> – преобладанием смысла над формой, языковой экономией и избыточностью, аналогией» [4. С. 127]. В.Г. Костомаров связывает эту тенденцию (частотное появление в телеречи экспрессивных элементов) с явлением «карнавализации», которая стала следствием отмены цензуры, снятия многих табу, изменения системы ценностей современного общества [5. С. 234–235].

В работе В.Г. Костомарова, однако, прослеживается мысль о том, что если экспрессия оправдана, мотивирована содержанием, то велика вероятность того, что она выполнит свое предназначение: речь будет выразительной и в то же время убедительной. Однако иногда эти явления принимают форму речевого эпатажа, который выражается «в вульгарности, в конфликтности, даже скандальности» [3. С. 382]. Поэтому нередко в речи участников таких передач появляются разговорно-просторечные и даже бранные языковые элементы, которые часто используются говорящими для выражения агрессии. Бывает, что для привлечения внимания зрителей, опровержения оппонентов, навязывания своей точки зрения коммуниканты выходят за рамки морально-этических правил. Если столкновение происходит в атмосфере эмоциональной напряженности, то это отражается не только на лексическом уровне, но и на уровне синтаксиса: конструкции лаконичные, мысль часто незаконченная, нередко повторяются одни и те же фразы, причем подряд, и т.д. То же самое проявляется в интонации, в повышении темпа речи, резком переходе от одной темы к другой и т.д. Как правило, коммуниканты прибегают к такого рода средствам с

целью утвердить собственную точку зрения, оспорить оппонента, уязвить его. В ситуации явного конфликта нередко отношения между участниками утрачивают характер официальности, коммуниканты в таких случаях могут игнорировать статусные различия, пренебрегать этическими правилами.

Эмоциональный фон конфликтного взаимодействия является прямым выражением общей тональности текста. Так, если в общении преобладают ярко выраженные негативные эмоции, отражаемые на уровне лексики, словообразования, просодии, то общая тональность текста будет негативной, значит, негативным будет и общий фон конфликта.

«Свобода и справедливость», выпуск от 01.03.2012.

С. Удальцов: <…> Но кто провоцирует эту агрессию? Я был на этом мероприятии // Люди пришли мирно / отметить масленицу / проводить зиму // Появилась целая группа молодых людей / которые вели себя крайне агрессивно // У меня есть информация / что это сторонники вот господина Мищенко // Они провоцировали драки / вот если сценарий будет развиваться так / это очень опасно // [Неразборчиво] Нам / нам делить нечего / и хватит нам наемников засылать // [Неразборчиво]

М. Мищенко: А вот скажите / что произошло на Площади Революции // После акции Белое кольцо Сергей Удальцов призвал всех / кто был организатором этой акции / там сотрудники различных изданий / я не буду их называть / прийти на Площадь Революции / устроить там несанкционированную акцию // Туда принесли женщину из секс-шопа и захотели на этих шариках поднять / поднять / понимаете / в небо запустить // Эту женщину отобрали и лопнули // Эти шарики лопнули // И вся ваша белая стратегия будет тоже лопнута / Сергей // Потому что вы лжете / лжете / понимаете //

В приведенном примере общая тональность текста негативная: первый коммуникант дает отрицательные характеристики действиям оппонента и его сторонников («*Появилась целая группа молодых людей, которые вели себя крайне агрессивно. У меня есть информация, что это сторонники вот господина Мищенко. Они провоцировали драки*»), второй коммуникант также негативно характеризует деятельность своего соперника («*И вся ваша белая стратегия будет тоже лопнута, Сергей, потому что вы лжете, лжете*»). Собеседники дают друг другу и событию в целом оценки, обобщают явления («*вот если сценарий будет развиваться так, это очень опасно*»). В центре конфликта – событие, произошедшее на Площади Революции, однако это событие оценивается в связи с деятельностью обеих сторон, поэтому объектом конфликта выступает событие, предметом – действия оппонентов и их сторонников в тот период, когда произошло это событие. Пространственно-временной «фон» в рассматриваемом примере соотносится с пространством «Площадь Революции» («*что произошло на Площади Революции*», «*прийти на Площадь Революции*», «*я был на этом мероприятии*» и т.д.) и имплицитно выраженной временной категорией. В этом примере категория времени выражена только на грамматическом уровне: с помощью глаголов прошедшего времени, связь с событием возникает благодаря отсылке к некоторому пространству. Коммуниканты прибегают к использованию элементов разговорной речи («*Туда принесли женщину из секс-шопа и захотели на этих шариках поднять, поднять, понимаете, в небо запустить. Эту женщину отобрали и лопнули*»). Кроме того, в данном диалоге, часть которого представлена выше, прослеживается чередование стандарта и экспрессии. Итак, можно не только предположить, что говорящие с помощью вышеперечисленных средств старались сделать свою речь более выразительной и убедительной (вероятно, этой цели они не достигли), но и констатировать, что использование этих средств привело к речевой агрессии.

Наряду с использованием эмоционально-оценочной лексики участники ток-шоу довольно часто прибегают к употреблению стандартных фраз, речевых клише, что также отличает стилистику текстов ток-шоу, как, впрочем, и многих других жанров масс-медиа.

Развитие конфликтов в ток-шоу происходит особым образом, оно отличается от развития конфликта в естественной коммуникации. Конфликты в ток-шоу часто не отвечают всем критериям динамики развития конфликтов, описанным в теории конфликтологии. Так, конфликт в ток-шоу может только зародиться (предконфликтная ситуация) и сразу завершиться, может быстро последовать кульминация, после которой не наступит спад, и т.д. Это обусловлено характером ток-шоу: ведущий предоставляет право высказаться всем приглашенным участникам, поэтому время выступления каждого регламентировано, ведущий, как правило, пресекает возможность развития острого конфликта. Однако его действия не всегда предупреждают возникновение конфликтных ситуаций, в связи с этим нередко с телеэкранов звучат резко критичные высказывания, перебранка и т.д.

Обычно в конфликтной ситуации в центре разногласий может быть какая-то проблема, возникшая на основе разного понимания собеседниками каких-либо фактов, явлений действительности, событий. В процессе развития столкновения центр конфликта может смещаться: от обсуждения проблемы, например, коммуниканты могут перейти к взаимной критике.

Фрагмент программы «Поединок с Владимиром Соловьевым», выпуск от 29.03.2012.

А. Нечаев (обращаясь к О. Митволю): <…> Значит / когда Вы просто кидаете в воздух фразу про налог на роскошь / это на самом деле чистый популизм и лукавство / потому что такого налога в чистом виде быть не может / они уже все есть // Если вы хотите эти налоги повысить / ну вы так честно и скажите // вы так честно и скажите / что здесь совершенно ни при чем социальная справедливость / что у нас в бюджете огромная дыра / что роздано огромное количество обещаний / в том числе предвыборных / и нам надо пополнять бюджет // И поэтому мы под разным соусом пытаемся повысить налоги / а это в конечном итоге / безусловно / ударит по среднему классу / у которого никаких вилл в Испании / я не знаю где у вас вилла / но у большей части [неразборчиво] их нет <…>

В этом выпуске приглашенные участники обсуждали вопрос, связанный с налогом на роскошь. В данном

фрагменте говорящий демонстрирует свою точку зрения («*такого налога [налога на роскошь] в чистом виде быть не может*») и одновременно осуждает позицию оппонента («*когда Вы просто кидаете в воздух фразу про налог на роскошь, это, на самом деле, чистый популизм и лукавство*»). Осуждая точку зрения оппонента и его сторонников, автор этого фрагмента речи прибегает к использованию различных тропов и фигур («*кидаете в воздух фразу про налог на роскошь*», «*мы под разным соусом пытаемся повысить налоги*», «*это <…> ударит по среднему классу*» и др.). Так он демонстрирует свое несогласие с собеседником и старается убедить массовую аудиторию в правильности своих мыслей. Прибегая к использованию несобственно-прямой речи, автор повествует как бы от лица оппозиции («*Вы так честно и скажите, что здесь совершенно ни при чем социальная справедливость, что у нас в бюджете огромная дыра, что роздано огромное количество обещаний, в том числе предвыборных, и нам надо пополнять бюджет*» и т.д.). С помощью этого приема автор, с одной стороны, снижает категоричность своей оценки, с другой – стремится сделать свою речь более выразительной.

Таким образом, современные тексты СМИ стилистически неоднороды. Эта тенденция особенно характерна для ток-шоу, которое содержит в себе черты многих телевизионных жанров. Как правило, нарочитое смешение разностильных элементов появляется в политической полемике.

Фрагмент программы «Поединок с Владимиром Соловьевым», выпуск от 29.03.2012.

О. Митволь: Что в Вашем понимании роскошь?

А. Нечаев: <…> В этом-то / в этом-то / когда мы / когда мы от красивых лозунгов «давай грабить награбленное» возвращаемся на нашу грешную землю и занимаемся практическими вопросами // Я как раз и сказал / что / что такое роскошь / непонятно // Потому что для одного бриллианты мелкие / а для другого щи жидкие // <…>

В приведенном фрагменте коммуникант активно прибегает к использованию стилистических тропов и фигур. Автор использует антитезу: сравнивает «красивые лозунги», которые он, вероятно, относит к средствам манипулирования общественным сознанием со стороны некоторых политических организаций, и проблемы «грешной земли», которые он относит к «практическим вопросам». Также коммуникант использует в речи аллюзию («*красивых лозунгов «давай грабить награбленное*»: «грабь награбленное» – политический лозунг, появившийся в России в 1918 г.), метафору («возвращение на грешную землю» в значении «возвращение к бытовым проблемам, «практическим вопросам») и др. Однако особого внимания заслуживает высказывание «*Потому что для одного бриллианты мелкие, а для другого щи жидкие*». Вероятно, автор хотел образно сравнить «бриллианты» и «щи» (в значении: у каждого свои понятия о роскоши). Однако это сравнение не совсем удачное. Существует устойчивое выражение «тех же щей, да пожиже влей», которое означает «то же, но не так хорошо, т.е. хуже». Скорее всего, «а для другого щи жидкие» получилось именно из этого выражения. В этом контексте «*для одного бриллианты мелкие»* и *«для другого щи жидкие*» имеют сходное значение «что-то малозначимое, несущественное». Таким образом, сравнение образных понятий «бриллианты» и «щи» – как противоположных друг другу – утрачивается. Желая создать экспрессивный эффект за счет сравнения противоположных понятий, автор соединил два выражения, имеющих сходное значение, что привело к речевому ляпсусу. Однако, хотя автор и допустил речевую ошибку, его речь была эмоциональной, образной, живой, что, вероятно, могло привлечь внимание зрителей.

Таким образом, конфликт в ток-шоу может развиваться в двух направлениях: с одной стороны, на основе речевой агрессии и игнорирования правил приличия, чувств соперника, с другой стороны, коммуниканты в конфликтной или потенциально конфликтной ситуации могут стремиться к выразительности, доступности и убедительности своей речи с помощью использования некоторых риторических приемов, уместных в данной ситуации. В первом случае конфликт будет открытый, острый, во втором – он будет иметь тенденцию к регрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.
2. *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М. : Наука, 1976. 399 с.
3. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка : учеб. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.
4. *Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 520 с.
5. *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 285 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 октября 2012 г.